

Л. Бакст. Портрет Марии Цетлиной.
1915 г. (?)

“С одним я народом скорблю...”

К открытию Музея
русского искусства
им. Марии и Михаила
Цетлиных в Рамат-Гане,
Израиль

*Шуламит Шалит
(Тель-Авив)**

Странное у меня ощущение перед открытием Музея русского искусства им. М.О. и М.С.Цетлиных в израильском городе Рамат-Гане. Вот-вот поднимется тяжелый занавес, и перед нами начнется спектакль, в котором заняты те, кого уже больше нет на свете, — почти никого — ни художников, ни тех, кто изображен на их полотнах, ни тех, кому эти полотна принадлежали, ни тех, кто принял этот бесценный дар.

Лето 1959 года. Мария Самойловна, вдова Михаила Осиповича Цетлина, поэта, писателя, издателя, все еще энергичная 77-летняя женщина, снимает со стен своей квартиры в Нью-Йорке столь дорогие сердцу и памяти картины, всю коллекцию, в том числе и свой портрет работы В.Серова, и отправляется в далекое путешествие: привозит в Израиль — в дар молодому еврейскому государству — более 90 картин.

Давнему другу семьи Цетлиных Борису Соломоновичу Вассерману¹ пришлось немало потрудиться в поисках места для коллекции. С книгами и письмами было легче — их приняли в Национальную библиотеку в Иерусалиме, а большому собранию картин требовалось специальное помещение, зал, а таковой не находился: в молодом государстве, победившем в Войне за Независимость, но вынужденном эту независимость защищать каждый день, еще почти не было художественных музеев.

Первый музей, созданный при иерусалимской школе Бецаэль в 1906 году, отделившись и став самостоятельным только в 1920-м, лишь в 1965-м будет включен в состав знаменитого ныне Израильского музея

* За помощь в работе сердечно благодарю И.Тумаркину и Л.Трилинг (США), Н.Френкли, Э.Давыдова, Б.Чернякова и Г.Фридберга (Израиль), Б.Фрезинского (Санкт-Петербург), Д.Эпштейн (Вильнюс, Литва) и, разумеется, А.Цетлин-Доминик (Париж, Франция).

в Иерусалиме. Первый художественный музей Тель-Авива, основанный в начале 30-х годов самим мэром города, Меиром Дизенгофом, располагался в его собственном доме, и только в 1964 году состоялся церемония закладки первого камня нынешнего Музея искусств в Тель-Авиве, который открылся для посетителей в 1971 году. Да, был еще совсем юный музей в Хайфе...

После долгих и драматических скитаний коллекция нашла свой дом в новой Центральной библиотеке Рамат-Гана – с высоким потолком и фойе, открытым для посетителей во все часы работы библиотеки. Слишком широко открытым, как оказалось...

Я попала в эту библиотеку только осенью 1981-го, через полтора года после приезда в Израиль. Помню это так отчетливо, так ярко: я поднялась на второй этаж и застыла околдованная, очарованная. Все четыре стены увешаны картинами. Портреты, театральные костюмы, натюрморты, цветы в вазах... Что это? Чье это? Только и заметила, что на всех картинах, внизу, на раме, – одинаковая металлическая табличка, где на иврите и на английском написано: "Из коллекции Цетлин". Фамилий художников или не было совсем, или были только инициалы, а кое-где их скрывал грубый штемпель с надписью "Городской музей".

Позже, работая в библиотеке, я постепенно начала делать свои "открытия", о которых даже рассказать порою было некому, а некоторые имена и даты "проявились" через годы, иные только после возвращения картин из Иерусалима, где их капитально отреставрировали...

Когда муниципалитет города принял решение выделить специальный зал для экспозиции коллекции Цетлиных, хранитель рамат-ганского музея художник Дрор Гольдберг обратился ко мне с просьбой "только" перевести названия картин на русский и записать фамилии художников русскими же буквами. Я не искусствовед, поэтому прежде всего я стала искать какую-нибудь литературу о коллекции. В одном из номеров местной рамат-ганской газеты за 1959 год нашла очерк д-ра Хаима Гамзу, известного критика, основателя театральной школы "Бейт Цви" в Рамат-Гане, многолетнего директора Тель-Авивского художественного музея.

Гамзу писал: "Собрание картин, только что полученных муниципалитетом Рамат-Гана в дар от госпожи Цетлин из Нью-Йорка, состоит в основном из произведений русских художников, близких к журналу 'Мир искусства', выходившему под редакцией и под художественным руководством Сергея Дягилева и Александра Бенуа. В этом собрании имеются работы Леона Бакста, Александра Бенуа, Мстислава Добу-

жинского, Натальи Гончаровой и Михаила Ларионова, Филиппа Малявина, Александра Яковлева, Савелия Сорина, Дмитрия Стеллецкого, Сергея Чехонина и великого русского портретиста Валерия (автор ошибся – имеется в виду Валентин. – ШШШ.) Серова.

Судя по коллекции, некоторые из художников бывали в доме дарительницы, а с иными ее связывали, видимо, и дружеские отношения. Среди картин много портретов самой Цетлин и членов ее семьи. Другая часть коллекции – эскизы к театральным постановкам – в этой области специализировались художники объединения 'Мир искусства'. Кроме того, в собрании имеются 4 офорта Рембрандта, 4 – Фрагонара, две акварели Константена Гиса, рисунок Марке, два рисунка известного мексиканского художника Диего Риверы, приятный натюрморт Серузы, ученика Поля Гогена...

Ни Рембрандта, ни Фрагонара, ни Гиса в коллекции сегодня нет: все они находились на стенде с раздвижными стеклами и были похищены; скорее всего, без особого труда. Два из офортов Рембрандта – "Авраам и Ицхак" и "Молитва царя Давида" сохранились на фотографиях – иллюстрациях к очерку Хаима Гамзу. По слухам, к розыску похищенных работ подключился и "Интерпол", но велись ли серьезные поиски и продолжают ли они сегодня...

Очерк заканчивался так: "Хотя это собрание и не отличается цельностью отбора и оно не является результатом систематического коллекционирования, факт этот не умаляет ценности данной коллекции".

В 1991 году в "Знаке времени", приложении к одной из израильских газет на русском языке, коллекции Цетлиных была посвящена небольшая статья, тоже обзорного характера, где ее автор Ира Врубель-Голубкина писала: "Коллекция Цетлиных в музее Рамат-Гана представляет уникальную возможность на богатом материале экспозиции ознакомиться с важной частью русской культуры, повлиявшей на израильское искусство в его начальной стадии". Все тут было верно, кроме одного: никакой "уникальной возможности... ознакомиться" в то время не было, картины уже несколько лет нигде не выставлялись...

Это все, что удалось найти в печати о коллекции Цетлиных.

Сначала я доверяла каждой букве в тех списках, которые получила для перевода. Акцент. Натюрморт, 1920-1927. Или – Филипп Малявин. Портрет художника В.Сурикова, 1913-1917. Николай Григорьев. Две русские девушки. Болотов. Портрет мужчины, 1920-1925. И так далее. Одна какая-то ошибка – то ли в имени, то ли в названии, сейчас уже не помню, – насторожила меня, а вторая, третья, четвертая разбили присущее, наверное, не мне одной какое-то наивное и слепое доверие к печатной букве, слову, строке. Кому могло прийти в голову искать фотографию художника В.Сурикова, если написано "Суриков"?

Но сомнения в достоверности сведений уже зародились, и я решила проверить все, что удастся. Что касается Сурикова, то хотя как художника я знаю его неплохо, но лица его "наизусть" не помню. Нашла, конечно, его изображения, старила,

М. О. Цетлин. Фотография.
Париж. 1920-е годы

как могла, — нет, все-таки это не Суриков... Тогда кто же? А кто такая Стабеска? А Аксент? А Gravez или Graiez? — Может, это посещавший Цетлиных Грейц, а не Граве? А Болотов? Были такие художники?

Я буквально потеряла покой, поняв, что никто и никогда не занимался всерьез этой коллекцией. Я репетировала свою речь перед начальством: пригласите специалиста. А мне ответят: нет средств. Вот и Дрору, хранителю музея, сократили ставку до четверти...

С тех пор я начала собирать все, касавшееся семьи Цетлиных, и книги о первой и второй русской эмиграции — о художниках и писателях; рылась в справочниках, французской, американской, английской эн-

циклопедиях, звонила искусствоведам, писала, искала...

Но ни одна энциклопедия и ни один искусствовед ничего не рассказали мне ни о Стабеской, ни об Аксент, ни о Болотове, ни о Граве. Верно ли написаны их фамилии? В иврите нет гласных букв... А кто знает о художнике по имени Вайсман? Некоторые из ответов пришли как догадки, к великой моей радости подтвердившиеся впоследствии, а некоторых нет и по сей день...

Но понемногу картины мне открывались. На одном из пейзажей внизу слева было написано: "Мих. Осиповичу Цетлину — поэту — Максимилиан Волошин. Париж 1915". Значит, вот этого серьезного, уже немолодого человека в костюме и в галстуке, изображенного на другой, неподписанной картине, звали Михаил Осипович. В том, что это и есть бывший хозяин коллекции Цетлин, я как будто не сомневалась с самого начала. На другом полотне, автор которого нам неизвестен и сегодня, он же, но совсем молодой, с зорким, внимательным взглядом. Взяв на второй этаж, я еще на середине лестницы поднимала голову и, поворачивая ее вправо, к более позднему портрету, говорила: "Доброе утро, Михаил Осипович". Так начинался мой рабочий день.

Однажды на пейзаже Волошина — в правом углу — я обнаружила столбец стихов, буквы были русские, но до того мелкие, размытые, что были почти незаметны, и даже наклонившись, прочесть не удавалось; однако под стихами я прочла отчетливое: "К. Бальмонт. 1915. IV. 15 Пасси".

Меня бросило в жар. Преодолеть тысячи километров, оказаться в Израиле, имя которого на картах пишется прямо на синеве Средиземного моря, ибо на суше не хватает места для шести букв, и в каком-то маленьком, таком домашнем городке Рамат-Гане, в библиотеке, где коллеги понятия не имеют о таких именах, как Серов, Волошин, Бальмонт, и вот тут обнаружить столько чудес! Под увеличительным стеклом строчки ожили (двух слов так и не сумела разобрать, даже после реставрации):

Я Око всеобъемное. Во мне
Стесненыя гор. Иль темные уступы
Ведут в провал, где ключ журчит на дне.

Мне хлопья мглы — охваты и ошупы
Как слизняки, что [два слова неразборчивы]
И замыкают их в свои скорлупы.

Ресничные для Ока берега —
Земля внизу и сверху звездомлечность.

К. Бальмонт 1915. IV. 5 Пасси

Ни в серии "Всемирной литературы", том "Русская поэзия начала XX века", ни в антологиях, ни в последнем двухтомнике, наиболее полном, 1994 года издания, этих строк нет². Похоже, что их нет нигде. Только на этой картине. Экспромт. "Око всеобъемное... Звездомлечность..." Из того же ряда любимых Бальмонтом словосочетаний, что и "многочудно", "полнозвонность", "светоносность"... М. Волошин вспоминает: "В январе 1915 года я приехал в Париж... Я тогда остановился у Бальмонта... Это было хорошее время: по утрам длинные разговоры с Б[альмонтом]. Потом работа в Национальной библиотеке. Иногда с утра оба садились за стихи на темы, которые сами себе задавали. И работа над стихами длилась часто изо дня в день, неделями, не иссякая. Часто получались неожиданные эффекты: я как будто задавался задачей — разрешить ее так, как ее должен был разрешить Б[альмонт], а Б[альмонт] разрешал ее в моем стиле..."³ Позднее в некрологе на смерть К. Д. Бальмонта (1867-1942)

Михаил Осипович Цетлин скажет: "Поэт Волошин, живший с ним (Бальмонтом. — Ш.Ш.) одно время в Париже, говорил, как возбуждающе действовал на его творчество ритм жизни с Бальмонтом⁴. Вот в этот период, в такой творческой атмосфере и могли оказаться стихи К.Бальмонта на картине М.Волошина. Если только это... не Волошин, написавший стихотворение "под Бальмонта".

Всего в коллекции четыре акварели художника: "Цветы в вазе" и три пейзажа.

К тому же 1915 году относятся и личное знакомство М.Волошина с И.Эренбургом, и "время острой дружбы с Цетлиными"⁵.

Из воспоминаний М.Волошина: "Невыразимые отношения складывались в эту эпоху с Ц[етли]ными, которые в том круге занимали место снобов, буржуев, богатой аристократии [...] На лето 1915 г[ода] я получил приглашение от Ц[етли]ных поехать на их виллу в Биарриц"⁶.

Но вернемся к картинам. Точно так же, как интуиция подсказала мне, что мужчина на портрете — сам господин Цетлин, я ни минуту не сомневалась, что строгая красивая молодая дама на многих портретах — его Муза, его жена. В коллекции имеются восемь ее изображений. Ни на одном из них она не улыбается. "Останься в памяти навеки, / Какой в тот миг предстала ты: / Слегка опущенные веки / Почти что детские черты, // И дикой розы на ланитах / Едва расцветшая весна, / И на устах полуоткрытых / Полуулыбки тишина", — писал М.Цетлин (Амари)⁷. Кажется, он полюбил ее раньше, чем увидел. "Амалия (двоюродная сестра. — Ш.Ш.) рассказывала мне о своих новых друзьях. Слушая ее, я ясно представлял себе длинную, тонкую, вверх устремленную фигуру М.", — вспоминал позднее М.Цетлин. М. — это и есть она — Маня, Мария Самойловна Тумаркина, будущая жена. Тумаркины жили тогда в Москве, Цетлины временно — в Одессе. (Это была первая высылка евреев из Москвы — 1892 г.) Мария Самойловна и Михаил Осипович родились в один год — в 1882. Писатель В.Зензинов, один из самых близких друзей, вспоминал спустя полвека "о полудетском, полуюношеском кружке, который в самом начале 90-х годов возник в Москве и к которому принадлежали: Илюша Фондаминский, Абраша Гоц, Рая Фондаминская, Маня Тумаркина, Миша Цетлин, Яков и Амалия Гавронские... (Инициалы этих дорогих ему с детства имен сложатся позднее в его псевдоним Амари. — Ш.Ш.) [...] Активное участие в спорах принимали Тумаркина,

Цетлин [...] Миша Цетлин читал в нем свои стихи [...] Неизбежны были и романы — у одних прочные и неизменные, у других сложные, переплетающиеся..."⁸

Мария Самойловна пережила мужа на 31 год. Она умерла в Нью-Йорке 22 октября 1976 года в возрасте 94 лет. Из некролога Андрея Седых мы узнаем, что М.С. училась в Берне, окончила университет и получила звание доктора философии... "С молодых лет она вступила в партию социалистов-революционеров... В Берне М.С. встретила молодого студента-революционера Николая Дмитриевича Авксентьева (по воспоминаниям В.Зензинова, они познакомились в Берлине зимой 1899 года). Когда до эмигрантов в Швейцарии и во Франции дошли первые известия о событиях 1905 года, молодежь немедленно устремилась в Россию. А там начались аресты. Шесть месяцев М.С. провела в Петропавловской крепости. Н.Д. содержался в той же тюрьме и там же они обвенчались в 1906 году. Когда Н.Д. Авксентьева приговорили к ссылке в Обдорск (с 1933 г. — Салехард), за Полярным кругом, его молодая жена последовала в ссылку за мужем. Жизнь в Обдорске была суровая, морозы зимой доходили до 50 градусов. Н.Д. бежал из ссылки за границу. Мария Самойловна вернулась в Москву и оттуда отправилась в Хельсинки. Через час после своего приезда в Финляндию она родила дочь Александру... Встретилась с мужем в Швейцарии, но вскоре развелась с ним и в 1910 году сочеталась вторым браком с Михаилом Осиповичем Цетлиным.

Мария Цетлина в возрасте 15-16 лет. Фотография. На обороте написано: "Милой Леночке на добрую память от Маши Цетлин: 23.3.49." (Леночка — Лена Френкли, дочь Н. А. Френкли. — Ш.Ш.)

Михаил Осипович приходится внуком Калонимосу (Василию) Зезу Высоцкому (1824-1904), который основал известную чайную фирму ("Чай Высоцкого..."). Он был и филантропом и сторонником движения "Ховевей Цйон" (почти через сто лет, в 1981 году, в Иерусалиме вышла его книга "Кэудат михтавим" – "Стопка писем" – впечатления от Эрен-Исраэль, изданная впервые в Варшаве в 1898 году). Согласно завещанию Высоцкого, вся его доля в чайной компании поступила на нужды еврейского народа, в том числе на создание хайфского Техниона.

У Высоцкого было четверо детей – три дочери и сын. Одна из дочерей, Ханна (Анна Васильевна), вышла замуж за Осипа Сергеевича Цетлина (1856-1933), работавшего в фирме, молодого коммерсанта, который вскоре развил и весьма расширил дело свекра.

Их единственный сын, Михаил, с раннего детства тяжело хворал, в десятилетнем возрасте заболел костным туберкулезом, его серьезно лечили, но легкая хромота осталась у него на всю жизнь. Из-за болезни он не смог окончить университет, что не помешало ему основательно выучить латынь и греческий, немецкий, французский и английский языки. Он читал запоем и русскую и зарубежную литературу, рано начал писать стихи. В своей статье о евреях в русской литературе⁹ Г.Аронсон пишет: "В числе поэтов-евреев, произведения которых в период 1905-1917 появились в изобилии на русском рынке, то в периодических изданиях, то в виде отдельных сборников, – мы выделим следующие имена". И перечень этот Г.Аронсон начинает с М.О.Цетлина¹⁰.

Михаил Осипович не почитал себя большим поэтом: "Стихи мои, крохотки серны, / Еле виден ваш след"¹¹. Но, как писала Н.Берберова, "несмотря на то, что он не стал большим поэтом, можно встретить в его стихах строфы большой ясности, простоты, прелести..."¹² И все до единого, писавшие о нем, отмечают наряду с его обширными знаниями необыкновенную мягкость, вдумчивость, интеллигентность, скромность. Борис Зайцев, знавший М.О. еще по Москве 1918-го, описывает одну из встреч поэтов в доме Цетлиных: "Просили читать и Михаила Осиповича. Но он как бы смутился – 'Нет, нет, я сегодня не расположен...' и такой вид был у него, не хочется выступать, выдаваться... – а вот так тихо, любезно угощать, говорить о литературе с соседом, не напрягая голоса, незаметно и 'для себя'... Нельзя было не ценить тонкого ума, несколько грустного, Михаила Осиповича – его вкуса художественного, преданности литературе..."¹³ М.О.Цетлин был и критиком, и переводчиком, автором книг "Декабристы", "Пятеро и другие" (о композиторах "Могучей кучки"), но совершенно особое место в русской культуре занимает его редакторская и издательская деятельность. Еще в 1915 году, находясь в эмиграции, М.О.Цетлин организует в Москве издательство "Зерна", где выходят книги М.Волошина и И.Эренбурга, а к художественному оформлению привлекаются Л.Бахст и И.Лебедев. В Париже Цетлин долгие годы редактирует в "Современных записках", а в Нью-Йорке основывает "Новый журнал". Сразу после известия о февральской революции Цетлины возвращаются в Россию. Вечера поэтов у них в доме, в Трубиновском переулке, близ Поварской улицы, вошли уже в историю литературы¹⁴.

С 1919 года и до 1939-го точно так же гостеприимен был их дом в Париже, а с приходом Гитлера во Францию, с 1940-го – в Нью-Йорке. "В некоторых отношениях нам были даны преимущества – просто в силу подаренных нам судьбой более благоприятных условий"¹⁵. К Цетлиным тянулись не только продрогшие и голодные, но и искавшие душевного тепла и духовного общения. Нет почти ни одной книги о путях и судьбах русской эмиграции, где бы не фигурировали имена Михаила Осиповича и Марии Самойловны Цетлиных, вместе или отдельно, и если не в самом тексте, то в сносках и примечаниях¹⁶. "Периодически устраивались вечера – очень часто в пользу нуждающихся писателей. Постоянными посетителями были Бунины, Зайцевы, Алдановы. М.С. играла большую роль в жизни эмигрантских благотворительных организаций – принимала активное участие в Политическом Красном Кресте, Союзе русских писателей и журналистов... После смерти мужа, Михаила Осиповича, Мария Самойловна с еще большей энергией отдавалась общественной и благотворительной работе... В Нью-Йорке, как и в Париже, она занималась журнальными делами, была членом правления Литературного фонда, субсидировала издание всевозможных сборников поэтов. Она потратила на благотворительность и на помощь друзьям большую часть своего когда-то значительного состояния. Личные ее потребности были очень невелики – у нее на всю жизнь сохранилась психология скромной бернской студентки"¹⁷.

Вот еще свидетельства современников: "Она была... подательницей душевного тепла, без которого зачахли бы несчастные эмигранты в железобетонном городе-спруте"¹⁸.

"Так хорошо помню Марию Самойловну с апреля 1919 года! – пишет постоянный автор "Нового журнала" Вера Коварская, – наш пароход, эвакуировавший нас из Одессы, стал на якорь у Золотого Рога. Что делать дальше? И вот в одно прекрасное, такое солнечное утро, к 'Кавказу' подошел катер с флагом Черноморского флота. Поднялся матрос. 'Где тут семья Коварских? Вас Цетлины ждут на катере...' Это было совершенно удивительное спасение, и только Мария Самойловна могла об этом подумать... с нами плыли три недели до Марселя и Алданов, и его будущая жена, и Алексей Толстой с Крандиевской и с Никитой"¹⁹. Они уехали. Их общий друг И.Бунин оставался в Одессе, но в конце января 1920 года и он бежал оттуда. Бунин был ограблен в Софии, и болгарское правительство предложило ему бесплатный проезд до Белграда. В Белграде он обратился в русское посольство, к князю Григорию Трубецкому, с просьбой сделать для него исключение и разменять не одну, а две или три денкинские тысячерублевки на динары. Князь ответил, что никакого исключения для него не сделает.

Выйдя из посольства, писатель не знал, куда идти и что делать, как "вдруг открылось окно в нижнем этаже посольского дома и наш консул окликнул меня: Господин Бунин, ко мне только что пришла телеграмма из Парижа от госпожи Цетлиной, касающаяся Вас: виза в Париж и тысяча французских франков"²⁰. Ну что ж, еще в конце XIX века члены еврейской колонии "Нью-Одесса" в американском штате Орегон собирались устроить побег из Сибири в Америку ссыльного Чернышевского – еврейские интеллигенты вечно спасали русскую литературу²¹.

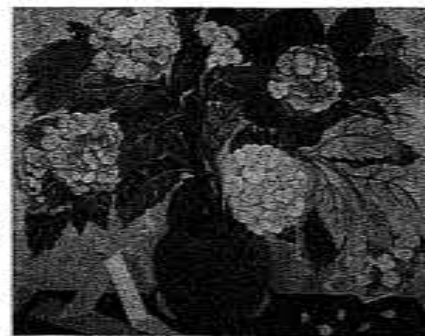
Если в 20-е-30-е годы круг Цетлиных составляла все больше литературная элита, то с 1910 до 1917-го, в Париже, они сблизилась со многими художниками-мирискусниками, работавшими в антрепризах Дягилева или близким к ним. "Она была очень красивой женщиной, – пишет в своих воспоминаниях о М.Цетлиной Андрей Седых, – и красоту свою сохранила до глубокой старости. Мария Самойловна стала музой для многих из них"²².

В коллекции нашего музея ее портреты кисти шести знаменитых художников. Это В.Серов (два портрета), А.Яковлев, Д.Стеллецкий, Л.Бакст, Ф.Малявин, Диего Ривера. Восьмой портрет (а по времени один из самых первых – 1910 года) подписан инициалами Н.В. В картотеке написано было: "Хуго Вайсман". Никто мне о нем ничего сказать не мог, и в энциклопедии я имени его не нашла. Только однажды в каком-то старом журнале на иврите было упомянуто, что в начале века среди многих художников, съехавшихся в Париж, был и некий американский еврей Вайсман. А портрет его один из лучших. Мария Самойловна тут очаровательна и удивительно похожа на свой девичий фотопортрет, любезно предоставленный мне Натальей Александровной Френкли, бывшей Тумаркиной, дальней родственницей Марии Самойловны (по общему прадеду). Леон Бакст (1866-1924)²³ писал Марию Самойловну в 1915 году, а через год – ее четырехлетнего сына Валентина; этот портрет будет через 20 лет, в 1935 году, представлен на знаменитой выставке русского искусства в Лондоне. Кисти Л.Бакста принадлежат и два эскиза театральных костюмов. Определить один не составило труда. В правом верхнем углу стояло "Dieu Bleu". Балет "Синий Бог" французского композитора Рейнальдо Хана в антрепризе Сергея Дягилева был показан в Париже в 1912 году (балетмейстер Михаил Фокин, либретто молодого Жана Кокто)²⁴. Второй эскиз. Женский костюм. На самом полотне стояла только фамилия художника. В упомянутой старой картотеке

чьей-то рукой было вписано: Шехеразада, 1916. Но в "Русских сезонах" этот балет был поставлен в 1910-м?! Где же ошибка? – Год или название балета? Начались поиски, приведшие в конце концов к мысли, что это "Спящая красавица"²⁵. "Шехеразада", "Жарптица", "Синий Бог", "Нарцисс", "Пери", "Полдень фавна", "Клеопатра" – я шла путем исключения – в них волшебные, прозрачные, летящие цветные ткани и воздушные фигуры, а в "Спящей красавице" "иной строй, иная динамика, иной ритм – ритм торжественной поступи придворного парадного церемониала... помпезная роскошь и пышность..."²⁶.

Одной работой представлен А.Бенуа (1870-1960). На ней есть дата – 1924-й. Мне думалось, что это один из женских костюмов (акварель) к комической опере Шарля Гуно "Лекарь поневоле". С 1914 года А.Бенуа ничего не делал для Дягилева. Это была первая после десятилетнего перерыва и последняя вообще совместная их постановка в театре "Казино" в Монте-Карло, а в 1925 году А.Бенуа уже работал для Иды Рубинштейн. Однако костюм скорее русский, чем французский, и в верхнем углу справа – год 1860-й, возможно, одна из пьес Н.А.Островского.

Среди художников самыми близкими друзьями Цетлиных были Наталья Гончарова (1881-1962) и ее муж Михаил Ларионов (1881 – 1964). Н.Гончарова оформляла книгу М.Цетлина "Прозрачные тени. Образы". Михаил Осипович, в свою очередь, посвятил обоим стихи²⁷. Ангелина Михайловна, дочь Цетлиных, хорошо их помнит. Она рассказывает, что ей, шестилетней, запомнился М.Ларионов – большой Дед Мороз с белой бородой и подарками, а ее старшая сестра Шурочка, впоследствии художница Александра Прегель, была ученицей Н.Гончаровой. Никто не писал о Н.Гончаровой так щедро, влюбленно, неистово набрасывая мазок за мазком, как это сделала Марина Цветаева в очерке о художнице²⁸. Мы видим Гончарову – живую и ее живопись – живую. "Пи-

Н. Гончарова. Цветы в вазе

сала – все. Старую шляпу, метлу, кочан капусты, когда были – цветы, когда были – плоды²⁹. Так вот, у нас в коллекции – цветы. Цветы в вазах. Масло. Три разных букета³⁰. Один пейзаж с деревьями. И одиннадцать эскизов театральных костюмов, большая часть – к опере-балету “Золотой петушок” (1914)³¹. Успех “Золотого петушка” был ошеломляющий, на всю Европу, на весь мир, как и у “Шехеразады” с костюмами Л.Бакста несколько лет назад. По словам М.Цветаевой, даже сама Гончарова, “при ее небывалой беспамятности и скромности”, так вспоминала эту постановку: “Декорация, танец, музыка, режиссура – все сошлось. Говорили, что – событие³². Есть еще два испанских костюма, возможно к балету “Испанская рапсодия³³, и два, решенных совершенно в другом ключе, как будто негончаровские – искусствоведы в один голос отрицали ее авторство, но после реставрации в уголке обнаружили инициалы N.G. Установить точно, к какой постановке сделаны эти эскизы не удалось, возможно, к “Русским игрушкам” М.Фокина, показанным в Нью-Йорке в 1921 году.

Михаил Ларионов³⁴, тоже работавший над балетами С.Дягилева, представлен у нас тремя пейзажами. По три работы в коллекции Цетлиных Филиппа Малявина (1869-1940) и Ивана Ефимова (1878-1959). У Ф.Малявина это “Девушка в красном”, “Мужской портрет” (тот, что значился как портрет В.Сурикова, а кто на самом деле – пока неизвестно) и портрет сидящей Марии Самойловны Цетлиной. Ровная гордая осанка, плечи открыты, локоть левой руки покоится на спинке стула, с колен спадает воздушная ткань платья, на скрещенных ногах летние, с ремешками, туфельки.

Уверенно и подробно выписаны русские национальные костюмы Иваном Ефимовым. Они помечены 1914 годом.

Два женских портрета Александра Яковлева (1887 – 1938), один из них – Марии Самойловны. Портрет М.Цетлиной написан, видимо, в самом начале 1917 года, до отъезда в Россию. Читаю у Дон-Аминадо: “Изящный, холодный, выхоленный Александр Евгеньевич Яковлев, про которого говорили, что он слишком талантлив, чтобы быть гениальным³⁵. Говорили о большом его влиянии на раннего Мане-Каца. Позднее, в 1934-м, делал декорации к опере “Семирамида”. Многие из этих работ были представлены через год на лондонской выставке русского искусства. У М.Цетлина есть стихи “Памяти Яковлева”.

Десять декоративных панно с эскизами персонажей в костюмах известного сегодня уже только специалистам Дмитрия

Стеллецкого (1875-1947), знатока древнерусского стиля. Совместно с Мейерхольдом он готовил постановку “Царя Федора Иоанновича” по трагедии А.Толстого (не осуществлена). Вот как описывает его эскизы А.Бенуа: “Точно с закоптелых древних стен сошли суровые образы святителей или колдунов, эти бредовые фигуры зачали какой-то страшный литургический хоровод, в котором неминуемо (если бы все удалось на сцене) должна была потонуть и сама фабула, и все душевные переживания действующих лиц. Остались бы только чудесные, несколько монотонные, но чарующие, ворожащие узоры плетения Стеллецкого³⁶. Стеллецкий работал и над эскизами к опере М.Мусоргского “Борис Годунов”.

Кроме этих работ Д.Стеллецкого в коллекции имеются и выполненные им портреты М.С.Цетлиной (масло) и ее младшей дочери Ангелины (сангина). Последний сделан в Биаррице, в 1919-м, когда ей было два года, сразу после возвращения семьи из России во Францию.

В наших списках рядом с именем ее матери на портрете Д.Стеллецкого стоит вопросительный знак и дата – 1917-й. Но как портрет попал во Францию? Из России Цетлиным не удалось вывезти ни одной картины. Тогда, вероятно, это тоже Биарриц и тот же 1919? И еще одно сомнение: на других портретах мы безошибочно узнаем М.С.; а тут лицо не удлиненное, а полное и круглое; хотя говорили, вспоминает Ангелина Михайловна, что после родов она пополнела... Ангелина Михайловна долго смотрит на портрет и наконец произносит: “Не знаю”. Так и оставили: “Портрет Марии Цетлиной” и вопросительный знак.

Ангелина Михайловна побывала в Израиле осенью 1994 года³⁷. Впервые. Мы встретились в Тель-Авивском музее, где в то время экспонировались взятые у нас на время серовские портреты Марии Самойловны и Анны Васильевны Цетлиных. Между ними стоял бронзовый бюст Марии Самойловны работы Антуана Бурделя (1861-1929), большого друга семьи, – подарок музею от Александры и Бориса Прегелей.

И вдруг, когда Ангелина (так она просила себя называть) оказалась рядом с скульптурным портретом своей матери, нас всех – и Захара Давыдова, друга Ангелины, и хранительницу Тель-Авивского музея Нехаму Гуральник, и, конечно, меня – поразило их сходство. Я попросила Ангелину встать рядом с “мамой” и сфотографировала ее. Слева и рядом – мама, справа – бабушка, а посередине – она, живая Ангелина, любимая дочь Михаила Осиповича и Марии Самойловны...

Потом мы отправились в Рамат-Ган и показали Ангелине все картины из коллекции ее родителей. Многих работ она не знала. Встреча с собственным портретом работы Д.Стеллецкого у нас в Рамат-Гане была для нее настоящим сюрпризом. Она-то считала, что оригинал находится у брата Валентина в Нью-Йорке; у нее была фотография, с подписью и датой. (Через полгода в письме от 25.05.95 Ангелина сообщит, что и у ее брата – только фотография.) Сюрприз ожидал и меня. То, что художница Александра Прегель – дочь Марии Самойловны Цетлиной, мне было известно давно. Получив из США материалы о М.С.Цетлиной и узнав, что первым ее мужем был Н.Д.Авксентьев (1867-1943), я чуть не задохнулась от радости. Таинственное латинское Avxente – это же псевдоним Александры Прегель, Александры Авксентьевой – по отцу. О каком же сюрпризе речь?

Подойдя к портрету молодого человека, на котором стояло доселе не ведомое никому имя A.Bolotov, Ангелина сказала буднично и просто: ну да, это Шурочкина работа, это ее первый муж, Болотов, только имени не помню. То есть не только Avxente, но и Bolotov – все это она, Шурочка, художница Александра Прегель. В нашей коллекции, таким образом, девять ее работ: четыре натюрморты, "Книги", "Индустр. пейзаж Нью-Йорк", портрет первого мужа, Болотова, и тот самый портрет отчима, Мих. Цетлина, с которым я многие годы здоровалась по утрам. Благодаря Ангелине исправили мы и год написания портрета М.О.Цетлина – не 1919, а 1942-43, ибо Александра Прегель писала его уже в Нью-Йорке.

Есть в нашей коллекции и два портрета, на которых изображена сама Александра Прегель – работы Диего Риверы и Сергея Васильевича Чехонина (1878-1937). Чехонин был и графиком, и художником театра, участвовал в групповых художественных выставках в Лейпциге, Париже, Нью-Йорке. Он эмигрировал из России в 1928 году. Умер в Северной Америке. Вот на карандашном рисунке Диего Риверы она совсем юная, прелестная, а у Чехонина – он писал ее в 1929 году, когда ей было 36 лет, – зрелая, уверенная в себе женщина.

Цетлины знали всех обитателей парижского "Ла рюш'а" – "Улья", ставшего домом для многих художников будущей Парижской школы. И Цетлиных знали все. И многие, как и потом, после февраля 1917-го в Москве, а после снова в Париже, были обласканы этой семьей и согреты. Кое-кто дарил свои работы в знак благодарности, но чаще Михаил Осипович и Мария Самойловна покупали картины у постоянно ну-

ждавшихся художников, чтобы облегчить их участь. Этим объясняется, возможно, что в собрании всего по одной-две работы многих художников, но какие это имена! Кроме названных А.Бенуа и С.Чехонина одним произведением представлены М.Добужинский (1875-1957), Б.Григорьев (1886-1939), Ф.Рожанковский (1891-?), С.Сорин (1878-1953), Ф.Бруни (1800-1875), П.Кремень (1890-1981), французские художники П.Серузье (1863-1927) и П.-А.Марке (1875-1947). Две работы Н.Тархова (1871-1936). Обо всех не расскажешь.

Кто, почему написал в картотеке перед названием "Две русские девушки" имя Николая Григорьева? Но так было написано. Оставалось установить годы его жизни. Это было несложно: 1880-1943. Но, начав сомневаться, я уже проверяла все.

В те же примерно годы жил и другой художник Григорьев, но Борис, он-то как раз и был членом объединения "Мир искусства", а с 1919 года жил за рубежом – во Франции и США, в то время как Николай никогда, кажется, за границей не бывал. А когда я увидела у Натальи Александровны Френкли изданный в Германии альбом "Raseja" с работами Бориса Григорьева, сомнений больше не было: конечно же, это стиль Бориса Григорьева. Потом картина вернулась из реставрации. Грубый штамп вывести не удалось, но под ним открылась, отмылась надпись "Григорьев" с инициалом, похожим скорее на "О" или латинское "D", чем на "B", но, конечно же, не на "N"; так что это все-таки "B" – Борис; его русских баб я уже не перепутаю, кажется, и в темноте.

У меня сейчас ко всем картинам есть своя маленькая новелла. Но разве расскажешь о каждой из 83 работ коллекции? Остановлюсь еще на одном мало известном широкому читателю имени – Марии Воробьевой-Стебельской, которой М.Горький дал прозвище "Маревна". У нас она шла под именем "Стребельски" и "Стабеска", и, естественно, никто ни той ни другой художницы не знал. Во время посещения Музея Рамат-Гана Ангелиной Михайловной Цетлиной и Захаром Давыдовым при виде одной картины он взволнованно произнес: "Да это же Маревна!" – и назвал ее полным именем. И как только я услышала его, оно стало мне попадаться на каждом шагу. Конечно же, мы все встречали имя Маревны у И.Эренбурга, когда читали "Люди, годы, жизнь". Впрочем, как и имя самих Цетлиных. Но когда это было? И кто запомнит имя художника, когда за ним не стоят его картины? В России же их никто не видал. Из И.Эренбурга: "Савинков часто подсаживался к столу, за которым сидела Маревна – так все называли художницу Воробьеву-Стебельскую. Она выросла на Кавказе, попала в 'Ротонду' девчонкой; выглядела экзотично, но была наивной, требовала правды, прямоты, честности. Она нравилась Савинкову, но была с ним строга, называла его 'старым цыником'"³⁸.

Из М.Волошина: "На лето 1915 [года] я получил приглашение от Ц[етли]ных поехать на их виллу в Биарриц. [...] Я просил разрешения взять туда Маревну [...] С Маревной меня познакомил Илья [Эренбург. – Ш.Ш.]. Это очень чистая, правдивая по природе девушка, но страшно изломанная и измученная и детством, и обстоятельствами жиз-

ни...³⁹ Зная уже, что ей посвящали стихи и И.Эренбург и М.Волошин, я обнаружила ниже не упомянутое стихотворение К.Бальмонта "Мария Моревна"⁴⁰. Именно Моревна, а не Маревна, ибо "...Дочь Моря ль ты? Ты богиня ли Лада? / Мария Моревна, услада! / Глаза твои светлы, глаза твои чудны, / Одежды твои изумрудны. / Зовут неаглядной тебя красотою, / С косою твоей золотою..."⁴⁰ А сейчас заглянем в "Хронику жизни и творчества" Ильи Эренбурга: "Июль 1915. И.Э. постоянно проводит время в Париже в обществе Волошина, Маревны, Савинкова и Диего Риверы... И.Э. пишет посвященные Маревне стихи 'В кафе'... Маревна суматошная, всегда в ярких одеждах..."⁴¹

И.Эренбург пишет: "В 1917 году Ривера неожиданно увлекся Маревной, с которой был давно знаком. Характеры у них были сходные – вспыльчивые, ребячливые, чувствительные. Два года спустя у Маревны родилась дочь Марина... Недавно я встретил в Лондоне Маревну, она рисует, лепит, пишет мемуары"⁴². Этот рассказ Ильи Эренбурга относится к концу 1966 года. Умерла художница в 1982 году в Лондоне.

В коллекции Цетлиных четыре картины Маревны: "Две фигуры" и "Пейзаж" на одном полотне (она была так бедна, что иногда писала на двух сторонах холста), "Девушка под зонтиком" и "Кавказский танец" (или "Лезгинка"). Авторство двух последних долгое время оставалось под сомнением, хотя догадка, что это – Маревна, была. И когда я снова увидела картины после реставрации, в левом верхнем углу "Кавказского танца" (или "Лезгинки") как вознаграждение нашла искомые буквы, правда, написанные вверх ногами "Steb.-Vor. 1915". Таким же образом определилось авторство еще одной, четвертой, работы "Девушка под зонтиком". И вполне может быть, что писалась хотя бы та же "Лезгинка" у Цетлиных в Биаррице, и была им подарена в благодарность за летнее гостеприимство на вилле в 1915 году.

На той же вилле, где всего за пять лет до этого гостил и писал Марию Самойловну Валентин Александрович Серов.

В коллекции шесть картин художника. Одна – портрет Анны Васильевны Цетлиной, дочери Высоцкого и матери Михаила Осиповича Цетлина, 1909 года, уголь и гуашь⁴³. Другая – нечеткий набросок карандашом обнаженной фигуры в профиль, на коленях. Без даты. На третьей – молодая, обнаженная модель, сидящая на стуле. Сангина. Внизу написано: "Удостоверяю работу В.А.Серова". И пониже – "О.Ф.Серова". То есть Ольга Федоровна, жена художника Серова. Почему потребовалось удостоверить картину? На ней нет ни привычных инициалов художника, ни года написания. Вот портрет Веры Фигнер⁴⁴ (рисунок углем на картоне), которую В.Серов тоже писал на вилле Цетлиных, подписан им инициалами В.С. И есть год – 1911.

О "главном" портрете Марии Самойловны Цетлиной есть упоминания в разных источниках⁴⁵, но даже многие писавшие о нем, как правило, его не видели, ибо в России он никогда не был, да и на Западе выставлялся редко⁴⁶.

В. Серов. Портрет Марии Цетлиной. 1910 г.

Портрет почти всю жизнь оставался с нею, Марией Самойловной. Она расставалась с ним дважды. Один раз, когда возвращались в Россию, с 1917 по 1919-й. Во Франции же он оставался и когда Цетлины уезжали в США. Вернулась М.С. за коллекцией в 1947 году (свидетельство Ангелины Цетлин-Доминик). С тех пор он висел у нее в квартире, в Нью-Йорке. В последний раз – навсегда и уже добровольно – она рассталась с ним в 1959 году, когда привезла его в Израиль.

Имеются два основных документа о том, как он писался. Один – это рассказ самого Валентина Серова, точнее его письма из Биаррица жене и друзьям. И другой “Как Серов работал над моим портретом” самой М.С.Цетлиной. Оба опубликованы в книге “Валентин Серов в воспоминаниях, дневниках и переписке современников”. Л., 1971. Письма В.Серова частично воспроизведены в книге М.Копшицера “Валентин Серов”⁴⁷.

Мария Самойловна рассказывает историю создания портрета. Все началось вообще без нее. Отец ее будущего мужа, Осип Сергеевич Цетлин, узнав, что В.Серов берет за портрет 5 000 рублей, обещал заплатить В.Серову 15 000, если тот согласится написать всю его семью, включая жену Анну и сына Михаила. В.Серов с улыбкой ответил, что подумает. Разговор состоялся в парижском ресторане “Прюнье” в 1906 году. Через несколько лет, накануне свадьбы Марии Самойловны и Михаила Осиповича, они снова сидели в этом ресторане всей семьей и случайно там снова оказался В.Серов. И уже не Осип Сергеевич Цетлин, а Серов обратился к нему, предлагая другую сделку: он просит возможности сделать портрет сидящей с ним “дамы”, т.е. Марии Самойловны, а за это нарисует всех остальных членов семьи без всякой платы. Тут уже Осип Сергеевич обещал подумать. Но вскоре после свадьбы Михаил Осипович загорелся желанием иметь портрет жены кисти В.Серова. Мария Самойловна написала художнику и пригласила его в Биарриц. В середине октября 1910 года Серов приступил к работе.

Все ему здесь нравилось. И роскошная вилла и вид на море-океан. Из письма жене: “Да, океан здесь – ничего себе – такие волны... Вилла стоит у самого моря, в бурю может захлестнуть. Отвели мне отличную комнату на море – гудит – я люблю... Сегодня хорошо... Океан зеленый и веселый...”⁴⁸

“Хорошо” продолжается, пока работа спорится и нравится самому. Как только портрет перестал слушаться, даже океан “сломил и душу издергал – надо бежать... а я все (как всегда) ищу и меняю”.

Все время рядом – портрет и море.

“Опять ужаснейшая буря – море кипит, на душе у меня скверно”. Доволен работой – и: “сегодня что за море – удивление, красота...”⁴⁹

О втором карандашном портрете (сидящей М.С.) ее брат Роман Самойлович: “Оба изображения (ее и Веры Фигнер) исполнены необыкновенно просто, но я редко видел такую насыщенность чувств и попытку разрешить какие-то сюжетные стороны жизни этих двух женщин, судьбы которых были такие разные”⁵⁰.

Первые отзывы о портрете М.Цетлиной появились почти сразу после его написания (собрал их В.Купченко, а прислала мне Ангелина Цетлин-Доминик). Приведу отрывочно:

Вещь, превосходная по экономии художественных средств и внутреннему живописному спокойствию⁵¹. ...Портрет ... до того сильный, точно это не живопись, а скульптура, и точно это не портрет, а жанр, выражение целого типа, всей его сущности. Только Серов так умеет извлекать ее на поверхность, обнажать до дна. И, право, позирующие Серову всегда очень рискуют. Он не только пишет лицо – он разблачивает подноготную души⁵². ... Вся форма в движении и дивный сияющий сиреневый тициановский тон. Стоило раз увидеть эту вещь, чтобы она всегда звучала в памяти⁵³

Кажется, все сказано и о “Мире искусства” и о деятелях культуры, поэтах и художниках эмиграции, но появляются новые свидетельства, исследования и книги, и предстают взору нового поколения произведения искусства, о которых знали мало, иногда только понаслышке, а порою не знали вовсе. В их числе – и коллекция Музея русского искусства имени Михаила Осиповича и Марии Самойловны Цетлиных в Израиле, в городе Рамат-Ган.

Что побудило М.С.Цетлину подарить свою коллекцию Израилю? Была ли то предсмертная просьба ее мужа? Может быть, оказали влияние близкие им люди – известный своими сионистскими взглядами зять – Борис Прегель и вдова брата Марии Самойловны – Ида Израилевна Тумаркина⁵⁴? Или судьба родственника и друга Ильи Фондаминского, принявшего в фашистском лагере христианство, но пожелавшего разделить участь своих братьев-евреев и погибшего вместе с ними? Или память о предке Михаила Осиповича – знаменитом раби Иошуа⁵⁵? А может, ответ таится в строках самого Михаила Цетлина?

С одним я народом скорблю
(С ним связан я кровью);
Другой безнадежно люблю
Неужной любовью⁵⁶.

Почти век прошел с тех дней. Иногда мне кажется, что я знала всех этих людей лично и эпоха, в которую они жили, ближе моей душе и человечнее той, в какую выпало жить нам. Иллюзия. И они страдали. И спасались бегством, и меняли города и страны. И они поднимались над тоской и научались жить и шутить.

Вы знаете, дорогая Ангелина, мне кажется, что душа ваших замечательных родителей здесь, с нами, навечно, в Израиле, в Рамат-Гане. Они выбрали.

Примечания

1. Вассерман Б.С. (1901-1992). Закончил исторический факультет Фрайбургского университета, жил в Берлине. С приходом Гитлера к власти оказался в одном из первых лагерей, откуда ему чудом удалось вырваться, и в 1934 году он приехал в Палестину. Начав со скромной должности простого клерка, он вырос до директора банка. Был известным книголюбом и перед смертью завещал большую сумму библиотеке Культурного центра Сионистского Форума в Иерусалиме.
2. Бальмонт К.Д. Собр. соч. в 2-х тт. М.: Терра, 1994.
3. Волошин М. Путник по вселенным. Составление, вступ. статья, комментарии и подбор иллюстраций В.П.Купченко и З.Д.Давыдова. М.: "Советская Россия", 1990. С.305-306.
4. Новый журнал. Н.-Й. 1943. N5. С.363.
5. Волошин М. Указ. соч. С.257. А также: В.Попов, Б.Фрезинский. Илья Эренбург (Хроника жизни и творчества). Т.1. СПб: изд-во "Линя", 1993. С.104.
6. Волошин М. Путник по вселенным. С.309.
7. Амари (М.Цетлин). Мальй дар. Предисл. Ангелины Цетлин - Доминик. Сост., примеч. и биогр. очерк Н.Сарникова. М.: "Прамико", 1993. С.57.
8. Новый журнал. 1948. N18. С.299.
9. Книга о русском еврействе. От 1860-х годов до революции 1917 г. Слов русских евреев. Н.-Й. 1960. С.376.
10. В статье год смерти М.О.Цетлина указан неправильно (1946). Михаил Осипович умер 10 ноября 1945 года.
11. Амари. Надпись на книге стихов. // Мальй дар. С.49.
12. Берберова Н. М.О.Цетлин // Новый журнал. 1950. N24. С.211.
13. Зайцев Б. М.О.Цетлин // Новый журнал. 1946. N14. С.200, 202.
14. Пастернак Б. Охранная грамота. // Воздушные пути. М.: Сов. пис., 1982. С.275. Пастернак рассказывает о том, как Маяковский впервые читал здесь поэму "Человек". Об этом же вечере, о Цетлине и своем не-

справедливом к нему отношении: "Он был богатым, приветливым... а я - голодным поэтом" - см.: И.Эренбург. Люди, годы, жизнь. Т.1. М.: Сов. писатель, 1990. С.143-145.

15. Новый журнал. От редакции. 1945. N11. С.367.
16. Автор книги "Не будем проклинать изгнание..." В.Костиков (М.: Международные отношения, 1990) обходит то ли сознательно, то ли за неимением материалов деятельность Цетлиных в эмиграции, а говоря о "Новом журнале", в сноске называет Цетлина не Михаилом, а Марком. Но и он, приводя в конце книги хронiku культурной жизни русской эмиграции за 1930 год, не мог не заметить, что только за этот год М.О.Цетлин семь раз выступал в "Литературных русско-французских собеседованиях", вечерах "Зеленой лампы", "Числах" и др.
17. А.С. (Андрей Седых). Памяти М.С.Цетлиной. Нов. рус. слово. 26.10.76.
18. Ульянов Н. Нов. рус. слово; вскоре после смерти М.С.Цетлиной. (Дату публикации уточнить не удалось.)
19. Коварская В. Вместо цветов. Нов. рус. слово. 9.11.1976.
20. Бунин И. Собр. соч. в 6 тт. Т.5. М.: Сангакс, 1994. С.472.
21. М.Отперович. Русские евреи в Америке. // Книга о русском еврействе. Н.-Й. 1960. С.294 - 295.
22. Андрей Седых // Нов. рус. слово. 26.10.1976.
23. О Л.Баксте см. очерк М.Генкиной "Дар Берты М.Цирикевич. О коллекции Л.Бакста в Музее Израиля (Иерусалим)". // ЕВКРЗ. Т.2. С.451 - 464.
24. Пожарская М.Н. Русское театральное-декорационное искусство. М., 1970; Фокин М. Против течения. Л.-М.: Искусство, 1962; Все о балете. Словарь-справочник. М.-Л.: Музыка, 1966; Художники русского театра, 1880-1930. Собрание Никиты и Нины Лобановых - Ростовских. М.: Искусство, 1990. Жан Кокто (1889-1963) - французский поэт, драматург.
25. Вместе с Радю Клашпером, заведующим тель-авивской Библиотекой балета, мы пролистали все альбомы, всю литературу о Л.Баксте и еще до выставки художника в Иерусалиме (1992), до письма кн. Никиты Лобанова-Ростовского и до полученного из Москвы тома "Художники русского театра" о его коллекции у меня появилась уверенность, что это "Спящая красавица", последняя работа Бакста у Дягилева. Балет был поставлен в Лондоне в 1921 году.
26. Пожарская М.Н. Коллекция Лобановых-Ростовских // "Художники русского театра". М.: Искусство, 1990. С.90.
27. Амари (М.Цетлин). Прозрачные тени. Образы. Париж, 1920. М.Ларионову посвящено стихотворение "Сезанн", а Н.Гончаровой - "Ван Гог".
28. Цветаева М.И. Наталья Гончарова // Об искусстве. Сб-к. Составление Л.Мнухина и Л.Озерова. М.: Искусство, 1991.
29. Там же. С.162.
30. В рамат-ганской квартире недавней репатриантки из США Н.А. Френкли, о которой я рассказывала выше, я увидела и "Плоды" Н.Гончаровой - натюрморт, подаренный братом М.С.Цетлиной - Романом Самойловичем Тумаркиным (1890-1977).
31. "Золотой петушок". Музыка Н.Римского-Корсакова. Антреприза С.Дягилева. Балетмейстер М.Фокин. 1914. М.Фокин говорил, что при повторной, но чисто балетной версии "Золотого петушка" в Лондоне в 1937 году "Гончарова... превзошла себя". Он считал эту ее работу "одной из

самых прекрасных, которую только приходилось видеть на сцене". — М. Фокин. Против течения. Л.-М.: Искусство, 1962. С.323.

32. Цветаева М.И. Указ. соч. С.162.

33. "Испанская" рапсодия (1915-1916). Музыка Эмануэля Шабрие. Н.Гончарова вообще писала огромное количество испанцев и, главное, испанок. Когда с несколькими "испанками" пришлось расстаться (вероятно, продать), Н.Гончарова произвела: "Одни испанки уехали". М.Цветаева комментирует: "Никогда не забуду звука роза в этом 'уехали'... Как мать: второго такого не порожу, а этого не увижу". Цветаева М.И. Указ. соч. С.176.

34. Очень интересный очерк о творчестве М.Ларионова написан Д. Саррабяновым. См. его книгу "Русская живопись конца 1900-х годов". М.: Искусство, 1971.

35. Дон-Аминадо. Наша маленькая жизнь. М.: Терра, 1994. С.651.

36. Журнал "Аполлон". 1911. №4.

37. Она была гостей литературоведа, доктора философии Захара Давыдова в Беэр-Шеве.

38. И.Эренбург. Указ. соч. Т.1. С.195. О Савинкове — см. Волошин М. Указ. соч. С.369.

39. Волошин М. Указ. соч. С.369. Вторая часть цитаты из письма М.Волошина к М.С.Цетлиной от 24 сентября 1915 г.

40. Бальмонт К.Д. Собр. соч. в 2 тт. Т.2. С.265.

41. Попов В. Фрезинский Б. Указ. соч. (см. примеч.5). С.108.

42. Указ. соч. С.200. Мемуары М.Воробьевой-Стебельской "Жизнь в двух мирах" вышли на англ. яз. в Лондоне в 1962 г. с предисловием Осипа Падкина.

43. Так как М.О. и М.С.Цетлиным не удалось вывезти из России в эмиграцию ни одной картины, их дочь Ангелина Михайловна Цетлин-Доминик предполагает, что бабушка выслала в Париж свой портрет еще до революции как подарок сыну и невестке (из письма А.Цетлин-Доминик автору статьи от 12.04.95 из Парижа в Тель-Авив).

44. Вера Николаевна Фитнер (1852-1942) — одна из руководителей "Народной воли" — революционно-террористической организации в России, выступавшей против царского правительства. "В.Н. прожила страшную жизнь", — говорит М.Алданов (Новый журнал. 1942. №3. С.356), — между бомбами и виселицей, — просто непостижимо, как она могла дожить до 90 лет! Многих современников пленяли не только ее бесстрашие и жертвенность, но и личное обаяние и красота, как пишут, необыкновенная, которую она сохранила до глубокой старости. Стоит ли удивляться, что она очень обаятельна и на портрете В.Серова, где ей "всего" 59!

45. Грабарь И. Серов живописец. М.: Изд-во Академии художеств СССР, 1961. С.30: "Он (Серов. — Ш.Ш.) также хочет написать портрет М.С.Цетлин с оглядкой на классику, но взяв пленерный мотив, на фоне моря, он ограничивается тем, что максимально упрощает в нем линии и формы. Только предварительный рисунок дает намек на то, к чему первоначально стремился его автор". Сидящая за столом М.С. — портрет В.Серова, сделанный углем и гуашью на серой бумаге, — это и есть "предварительный рисунок". См. также: В.Смирнова-Ракипина. Валентин Серов. Серия "ЖЗЛ". М.: Молодая гвардия, 1961. С.328: "По-прежнему легкий на подъем, он (Серов. — Ш.Ш.) дважды в 1910 году едет за границу с тем, чтобы между прочими делами писать портрет молодой хозяйки виллы в Биаррице М.С.Цетлин".

46. На выставке русского искусства в Лондоне в 1935 году кроме портретов сына Цетлиных Валентина и Марии Цетлиной (работы Валентина Серова — один рисунок, другой — масло) экспонировалось еще несколько работ из их коллекции. См.: Catalogue of the Exhibition of Russian Art. London. 4th June to 13th July 1935.

47. Копшицер М. Валентин Серов. М.: Искусство, 1967. 2-е изд. в серии "Жизнь в искусстве". М.: Искусство, 1972.

48. В.Серов в переписке, документах и интервью. В 2-х тт. Т.2. Л.: Художник РСФСР, 1989. С.238.

49. Там же. С.247 — 248.

50. Письмо к И.С.Зильберштейну от 10 июня 1964 г. Цитир. по письму А.Цетлин-Доминик от 12.04.95.

51. Койранский А. Портреты Серова // Утро России, 1911, 13 декабря.

52. Эфрос А. Одесские новости, 1910, 3 января.

53. Яремич С. Серов. Рисунки. Л., 1936. С.14.

54. И.И.Тумаркина — жена Р.С.Тумаркина, брата М.С.Цетлиной. Род. в 1895 году. На момент написания этих строк ей исполнилось 100 лет. Родственница и близкая приятельница Н.А.Френки, назвавшей ее "гордой и горячей еврейкой". Лена (Хелен) Френки, дочь Н.А., рассказывает, что не без влияния И.И.Тумаркиной оказалась она впервые в Израиле в 60-е годы, а потом репатрировалась навсегда. Сегодня она директор замечательного библиотечного заповедника "Неот Кдумим".

55. Свидетельство журналиста, автора романа "Мессия без народа" С.Полякова-Литовцева // Новый журнал. 1943. №4. С.252.

56. Амары (Цетлин М.). Малый дар. С.32.

P. S.

Публикация статьи в сборнике «Евреи в культуре Русского зарубежья» состоялась в 1995 году, почти за год до открытия Музея русского искусства им. Марии и Михаила Цетлиных в Рамат-Гане. Перед самым открытием Музея (20 июня 1996 года) в текст были внесены некоторые исправления и уточнения, добавлен иллюстративный материал, и он вышел отдельным изданием, в которое был также включен и список картин из коллекции Марии и Михаила Цетлиных. Новые поправки и дополнения вошли затем в текст эссе "Россия далекая, образ твой помню", вошедшего в Каталог, изданный к открытию Выставки работ из коллекции Цетлиных в Государственной Третьяковской галерее в 2003 году.

Жизнь, разумеется, вносит свои коррективы. Ушли из жизни И.И.Тумаркина, Н.А.Френкли, дочь Цетлиных – Ангелина Цетлина-Доминик, сын – Валентин-Вольф Цетлин... Если имена некоторых художников, чьи работы имеются в коллекции Цетлиных, таких, как Дмитрий Стеллецкий, Сергей Чехонин, Николай Тархов, Маревна, Александра Прегель, до 90-х годов прошлого века в России, кроме специалистов, мало кто знал, и атрибутировать их картины было порою очень нелегко, то сегодня информация о них широко доступна, чему мы можем только радоваться. Тем не менее мы должны помнить, что именно благодаря Марии и Михаилу Цетлиным сохранились многие произведения выдающихся художников первой трети XX века.

Шуламит Шалит
20 мая 2012 года